

Для всех нас, живущих в современном мире, да и для будущих поколений все дороже становятся воспоминания фронтовиков. К горькому сожалению, их становится с каждым годом все меньше и меньше. А так хочется услышать правдивые слова очевидцев той кровопролитной и жестокой войны. Узнать, как все было на самом деле, какие чув-

ства, мысли, переживания испытало старшее поколение.

Именно поэтому теперь востребованы и ценны книги инвалида Великой Отечественной, павловчанина Бориса Николаевича Перцева. Восемнадцатилетним юнцом в феврале 42-го он добровольцем попал на передовую. Воевал на Калининском, а затем Втором Прибалтийском фронтах. Часто оказывался в ситуациях на сегодняшний взгляд безвыходных. После тяжелых ранений лечился в госпиталях... Награжден высшей солдатской меда-

лью «За отвагу», орденом Отечественной войны I степени.

Ветерану-фронтовику сейчас далеко за семьдесят, но он по-прежнему на боевом посту, теперь уже — на литературном. Огромный жизненный опыт, великолепная память и острый ум, обширные познания во многих областях, незаурядные литературные навыки — все это позволяет ему в столь почтенном возрасте заниматься писательским трудом. Выходящие из-под его пера книги становятся настоящими бестселлерами у земляков-павловчан.

Круг писательских интересов Бориса Николаевича огромен и неисчерпаем. Роман, повесть, рассказы, очерки, исторические хроники местного значения... Он без прикрас рассказывает о поколении людей, не нуждающихся в героизации. Их жизнь — подвиг. Подвиг не кричащий, а скромный. Автор преследует лишь одну цель — ничего не придумывая, воспроизвести жизненную правду.

В ту войну ему несказанно посчастливилось: от разорвавшейся рядом гранаты лишь смертельным холодком повеяло. И вот совсем недавно опять тот холодок почувствовал. Как говорят врачи, в рубашке родился. Почти неделю был в реанимации... и отступил тяжелый недуг. Борис Николаевич вышел победителем! А чуть стало легче, сразу позвонил к нам, сказал, что готовит следующую книгу. Да, сильный духом дорогие наши ветераны.

Владимир ДОЛГОВ

• Борис ПЕРЦЕВ: очерк

НАЧАЛО КУРСКОЙ БИТВЫ На Белгородском направлении

Наступила короткая летняя ночь с 4 на 5 июля. Природа отдыхала от жаркого, душного дня; земля излучала накопленное за день тепло; по бесконечным просторам Центральной России дули свежие ветры, разнося терпкий запах диких трав. На участке советско-германского фронта севернее Белгорода было относительно спокойно: изредка раздавались два-три орудийных выстрела, тарыхтела одиночная пулеметная очередь, с шипением взлетала вверх осветительная ракета, запущенная в сторону нейтральной полосы. Но тишина никого не обманывала, она напоминала предгрозовое успокоение в природе, когда люди, ощущая его физически, с тревогой ждут, что вот-вот сверкнет молния и тишина разорвется с грохотом.

Между четырьмя и пятью часами утра немцы собирались обрушить всю свою огневую мощь на советские позиции, затем поднять в небо сотни самолетов, двинуть в бой танковые армады, взломать нашу оборону и вывести свою армию на оперативные просторы — по направлению Обояни и Курска. Все было готово к началу грандиозного наступления. Посматривая на часы, немецкие генералы снова и снова проверяли, не упущено ли что-нибудь.

...Нет, все готово для рывка, который должен принести им победу. Они не подозревали, что их план разгадан и заранее обречен на провал.

Советское командование досконально просчитало все варианты предстоящего сражения. Хотя преимущество в живой силе и технике было на нашей стороне, оно не тешило себя иллюзиями: победа не будет легкой, после поражения под Сталинградом немецкая армия походила на тяжелораненого зверя, опасного из-за непредсказуемости его поведения.

В 2 часа 30 минут ночи тишина

была разорвана в клочья. Небо рухнуло на землю, а земля застонала от тысяч разорвавшихся снарядов. Это советская артиллерия нанесла упреждающий удар по немецким позициям. Его внезапность и мощь привели к некоторому замешательству в стане противника, но не предотвратили его намерения начать наступление. С опозданием на полтора часа к запланированному сроку немцы начали артиллерийскую подготовку; теперь тысячи снарядов обрушились на советские позиции. Незамедлительно в небе появились сотни самолетов со стилизованной свастикой на фюзеляжах; гул их моторов влился в какофонию артиллерийской канонады. Им навстречу ринулись краснозвездные «истребки». Схватка между ними была жестокой; беспредельные просторы неба оказались тесными: стальные птицы устремлялись друг на друга, стараясь сразить противника пулеметным огнем. В боевом азарте летчики не всегда контролировали маневры управляемых ими самолетов, тогда машины шли на таран и сталкивались. Оставшаяся шлейф из огня и дыма, сбитые самолеты круто падали на землю.

Артобстрел по всей линии фронта прекратился так же неожиданно, как и начался. На советские позиции двинулась армада немецких танков, основную массу которых составляли «тигры». Задействовав их впервые как «новое неуязвимое оружие», противник возлагал на них особые надежды. Под прикрытием танков пошла в атаку немецкая пехота, порой залегая, делая короткие перебежки и ведя рассеянную стрельбу из винтовок. Вместе с танками она представляла грозный, казалось, несокрушимый вал, который мог смести все на своем пути. Он грозил обрушиться на советские траншеи, захлестнуть их и победоносно покатиться дальше.

Наступил опасный момент: занесенный кулак противника был действительно силен. Любыми способами необходимо было ослабить его удар, не дать ему возможность проломить нашу оборону.

Танки двигались небольшими группами, неуклюже переваливаясь с боку на бок на неровностях земли. По ним лупили прямой наводкой уцелевшие после артобстрела наши орудия. «Тигры» ненадолго останавливались, делали несколько прицельных выстрелов из башенных орудий и упрямо рвались вперед. Сверху поступила команда: танки противника через основную линию советской обороны пропустить и массированным огнем отрезать от них наступающую пехоту; если не удастся уничтожить полностью, то заставить ее отступить.

Юра Сходнев и Сергей Каныгин, теперь уже неразлучные, для удобства проделали ложбинку в бруствере и приготовили к стрельбе ручной пулемет; слева и справа от них действовали другие бойцы из их взвода. Траншея, которую они обороняли, проходила по гребню пологого холма, с которого хорошо просматривалась окружающая местность. С легким замиранием сердца Сергей смотрел на приближающиеся танки и лавиной движущуюся за ними пехоту. Еще несколько мгновений, и начнется кровавая схватка, в которой цена человеческой жизни опустится до нулевой отметки. Думать о том, что произойдет с ним, уже не было времени; прислушиваясь к бившемуся в груди сердцу, Сергей убеждал себя: «Надо держаться так, чтобы не оказаться в глазах товарищей трусом». Изредка он бросал взгляд на Юру и каждый раз встречал его ободряющую улыбку. Как хорошо в такие моменты иметь рядом с собой друга, преданного, все понимающего, готового в случае необходимости прийти на помощь.

Сергей не мог сдержать прилива дружеских чувств и пожал лежавшую на пулеметном прикладе Юрину руку; Юра понимающе кивнул головой.

Один из «тигров» полз по пологому холму, навстречу летели гранаты, взрывы которых не причиняли ему вреда. С гранатой в руке неожиданно выскочил на бруствер красноармеец, но его сразила пуля. Преодолевая траншею, танк слегка накренился передней частью корпуса, но успел зацепиться гусеницами за противоположный откос и переполз на другую сторону траншеи; беспрепятственно двинулся дальше.

На участке прорыва сотни немецких танков оказались в советском тылу, не меньшее количество их было подбито на нейтральной полосе и на подступах к нашим позициям. Непрекращавшимся заградительным огнем артиллерии удалось отрезать немецкую пехоту от рвавшихся вперед танков. Тем не менее она упорно продвигалась по нейтральной полосе, неся большие потери. От пуль и снарядов немцы искали спасения на земле, затем вскакивали по команде офицеров, делали короткие

дальние перебежки и снова бросались на землю. В отдельных местах они вплотную приблизились к советским траншеям; прежде чем сделать последний рывок, забрасывали траншеи гранатами, в них тоже летели гранаты.

Стол пулемета, который обслуживали Юра Сходнев и Сергей Каныгин, раскалился от непрерывной стрельбы; через короткие промежутки времени они менялись обязанностями стрелка и заряжающего. При стрельбе приклад пулемета подавался назад и иногда сильно ударял в плечо, отчего в плече возникала боль и требовалась передышка. Вблизи их бой не был таким ожесточенным, как на соседних участках. Но и на их траншею наступала небольшая группа немецких солдат. Они преодолели заградительный огонь артиллерии, перебежками и ползком продвигались вперед. Стараясь не стрелять попусту, Сергей выждал, когда два немца вскочили в полный рост и собирались рвануться к траншее. Он скосил их пулеметной очередью. Оставшийся в живых третий немец, совершенно очумев, бежал прямо на него.

— Куда ты, гад, прешь? — зарорал Сергей и нажал пальцем на спуск. Пулемет молчал: кончились патроны, надо было вставлять новый диск. Немец был близко, за одно мгновение Сергей разглядел его и запомнил навсегда... Совсем еще парнишка, с перекошенным от бешенства и ужаса лицом, глаза вытаращены, рот широко раскрыт, на лбу — выбившаяся из-под пилотки прядь белокурых волос, слипшихся от пота. На бегу он полусогнулся, собираясь прыгнуть в окоп и поразить Сергея кинжалом, укрепленным на конце ствола у винтовки; кинжал отдавал вороненым блеском... Развязка казалась неминуемой, их глаза встретились — Сергей заглянул в бездонную пропасть, куда каж-

дый человек заглядывает в конце жизненного пути.

Его спас Юра, в последний момент он успел схватить автомат и выстрелил в немца. Немец сделал еще пару шагов, потом запрокинулся назад, качнулся вперед и рухнул на землю. Одна его рука в предсмертной судороге вцепилась в дерн в полуметре от лица Сергея, дернулась несколько раз и затихла. Ее оголенное запястье стягивал серебряный браслет, покрытый от времени патиной, с позолоченным медальоном, выполненным в форме шестиугольника. Сцепления медальона с браслетом были инкрустированы небольшими рубиновыми камнями; пронизанные лучами солнца, они походили на капли крови. Несмотря на трагизм положения, красивая ювелирная вещь притягивала взгляды. Юра осторожно приподнял руку убитого и снял браслет, а затем раскрыл медальон, надавив пальцем на едва заметную кнопку. Ко дну медальона был прикреплен искусно выполненный миниатюрный портрет пожилой женщины с пышными белокурыми волосами и печальным взглядом голубых глаз. Ее черты явно повторялись в искаженном ужасом лице убитого парня.

— Мать! — тихо сказал Юра, и обоим стало не по себе. — Давай втащим его в траншею, иначе он будет мешать нам при стрельбе...

Атака немцев захлебнулась; понеслись большие потери, они отступили. Их танки, прорвавшиеся

через первую линию советской обороны, натолкнулись на вторую линию и почти все были уничтожены. Но немецкие генералы не собирались отказываться от дальнейшего претворения в жизнь своих планов. Как и советское командование, они заранее предусмотрели и просчитали возможные варианты сражения; в их распоряжении находились значительные резервы. Первая неудача их не особенно расстроила, так как научила считаться с ожесточенным сопротивлением Красной Армии; они были готовы бросить на противника свежие силы, предпринять вторую, третью... десятую атаку и рваться вперед до тех пор, пока советская оборона не окажется прорванной на всю глубину... 5 июля они предприняли пять атак, и пять раз их солдаты и техника отступали назад, превратив нейтральную полосу в грандиозную свалку подбитых и полусгоревших «тигров», остатков многих рухнувших на землю самолетов, уткнувшихся жерлами в развороченный чернозем разрекламированных самоходных орудий, носивших хвастливое название «фердинанд». Но самым страшным последствием немецкого упорства были тысячи трупов солдат, валявшихся на земле в самых различных позах.

Войска Воронежского фронта также понесли ужасные потери; большая часть бойцов, оборонявших первую линию, погибли; немецкая авиация и дальнобойная артиллерия причинили огромный ущерб нашей военной технике, коммуникациям, различным жизненно важным объектам в ближайшем тылу.

После совещания в высших армейских сферах было решено: под покровом ночи, незаметно, оставить первую линию обороны, укрепив ее защитниками боееспособности второй линии, расположенной в 7 — 12 километрах в тылу от первой.